

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Александр Воронцов родился в г. Ильичевске Одесской области, и вся его биография, по словам автора, на протяжении 33 лет уместилась в автобиографической повести «Исповедь уходящему солнцу». Собственно, поэтому она и исповедь. Книга так и называется. Сам автор определяет главной особенностью лиричность ее повествования, а также осязаемое присутствие в ней ясно уловимого эзотерического подтекста событий, мира и человека. Невольно вспоминается широко известная «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха, которая вызывает у читателя мистический эффект присутствия.

Хотя книги совершенно не похожи, читателя не будет покидать подспудное ощущение космической важности происходящего. Ощущение познания самого себя и таинств окружающего мира продолжится и в избранных рассказах этой книги... сказочные мистические притчи в ней напоминают прозрачные и таинственные озера всего сущего.

Предыстории у них нет, рассказы складывались сами по себе. Просто в какой-то момент времени сюжет оформился в сознании и автор его записал. Но попадет книга к своим читателям самым неожиданным образом. Всегда совершенно случайно. Таковы уж правила. И не здесь ли, на дне этих таинственных притчей, каждый найдет свой ключ от утерянного счастья?!

Предлагаем нашим читателям прочитать одну из них... «Пепельницы императорам не меняют».

Пепельницы императорам не меняют...

Император вошёл в ресторан. В зале было не слишком людно, но даже те немногие, кто веселился там, совершенно не обратив внимание на вошедшего, были лишними. Император вышел на балкон, где стояли всего два столика, а величественный шум приборя Понта Евсинского был самым громким и самым желанным звуком.

Император сел в кресло и увлёкся звуками приборя, который ненавязчиво и очень по-дружески ослаблял, практически растворяя в себе, ритм барабанов веселившихся на побережье зверушек.

Император знал: чудес не бывает. Вернее, чудеса бывают, но только тогда, когда это нужно кому-то,

кому-нибудь другому, только не ему. Всё, что когда-либо было нужно ему, он должен был сделать сам, непременно соблюдая два обязательных условия: во-первых, никаких чудес и, во-вторых, то, что должно быть сделано, должно быть согласным с мнением Богов. Этим он и занимался большую часть своей жизни — согласовывал с Богами то, что было необходимо сделать. И почти всегда он получал Их согласие. А потом начинались, как это виделось окружающим, чудеса. И под ноги стелились государства, и можно

было сбежать из вражеского плена лишь потому, что стражами оказывались внуки палачей, некогда служивших пленённым вместе с Императором князьям, отворяли решётки темниц и выводили пленников за стены крепостей...

Но для Императора чудес не бывает. Он это знал точно. И поэтому, сидя здесь и ожидая Её, он знал, что она не придёт. Она была тем немногим, чтобы не сказать — тем единственным, на что Боги не дали согласия. И Император не был на Богов в обиде. Он знал, почему это согласие никогда не озарит чудесным свечением его ладони. Так было божественно мудро, хотя и не облегчало боль... И это была единственная боль, с которой Император не боролся и не побеждал по своему обыкновению, но которую он нежно носил в самом тихом уголке своего, так многими терзаемого сердца. Впрочем, он не был в обиде и на терзавших. Они ведь не знали, что причиняют ему боль. Не знали потому, что их слова или поступки им самим не причинили бы боли. Им ведь не надо вытребовать согласия Богов. Для этого есть Император...

«Ахам-начар на час» вырос за спиной Императора бесшумно и услужливо положил на стол меню. Император делал заказ. На этот раз он мог заказывать то, что хотел, не заботясь о требованиях протокола, Богов, врачей, друзей, недругов, солдат, надсмотрщиков, собирателей податей, любовниц, наложниц, детей и всех тех, кто их обязательно сопровождает. И поданные яства были прекрасны. А если бы Император повернул голову и бросил взгляд на лица выходявших время от времени на балкон курильщиков, он прочёл бы в их глазах, что стол его ещё и изысканно красив. Но он этого не делал потому, что его совершенно не интересовало

мнение этих чужих посетителей чужого ресторана в чужой ему стране.

Он трапезничал, получая удовольствие от каждого глотка и каждого удара волны о скалы. И, быть может, именно поэтому он вкушал, пожалуй, чуть-чуть медленнее, чем на пиру по случаю дарования титула какому-нибудь новому роду за заслуги перед Богами. А может, он просто чуть-чуть тянул время, давая Богам возможность что-то изменить или что-то исправить. Только, похоже, Боги действительно не меняют своих решений. Иначе мир повергся бы в Великий Хаос... И всё равно он ждал.

Но, в конце концов, он получил всё, что хотел от этого стола. Сидеть доле означало бы унижаться перед Богами. Нельзя сказать, что Боги хотели увидеть его униженным, но время от времени они проверяли его на твёрдость. Невольно вспомнилась ему тонкая молодая эльфийка, родом откуда-то из эллинских поселений, недавно ожёгшаяся о взгляд Императора и под воздействием эллинских красных вин божественно искренне ему открывшаяся. Но он не коснулся её, ощутив в её божественной искренности подарок Богов. А он не мог принять такой подарок. Любой другой, но не этот...

Император отодвинул приборы, и тут же опять, словно из-под земли, словно джин, явился «ахам-начар на час». Его поза выражала готовность услужения, но на лице была мина изумления:

— Вам не понравилась наша кухня? — в голосе «ахам-начара на час» сквозила искренняя тревога.

— Ну что Вы! — также искренне возразил Император. — У Вас лучшая кухня на всем Понт-Евсинском побережье! Но разве должно, или хотя бы просто возможно, осилить одному человеку такое множество яств?

Ответ удовлетворил «ахам-начара на час».

— Извольте ещё чего-нибудь? — успокоившись и вернув голосу былое достоинство, поинтересовался «ахам-начар».

— Не откажите в любезности, подайте чёрного высокогорного чая с белым и чёрным изюмом. И не забудьте немного орехов, кешью и грецких.

— Сей момент.

— И посчитайте меня, любезнейший.

— Не извольте беспокоиться, — приняв из рук Императора блюдо с недоеденной птицей, «ахам-начар» испарился.

Чай был подан точно, как просил Император. Рядом с его правой рукой легла узкая элегантная папочка, в каких здесь было принято подавать счета, а «ахам-начар» стал сметать со стола несуществующие пылинки.

Он открыл папочку. В счёте было 170 динарий. Император не был богатым человеком, но он вложил внутрь 250 и протянул папочку восхищённому «ахам-начару».

— О, спасибо! — промолвил тот, подбирая приличествующие таким чаевым слова.

Но Император не дал ему договорить.

— Не стоит, любезнейший. У меня к Вам будет ещё одна просьба.

— Да! — «ахам-начар» склонился в хорошо поставленном поклоне.

— Когда Вы в следующий раз пойдёте в Храм, пожалуйста, поставьте свечу Александру.

— Всенепременнейше! — не моргнув глазом, солгал «ахам-начар».

— Благодарю Вас.

Император снова остался один на один с прибором и тающими в нём звуками барабанов. Он пил чай

всё так же не спеша, всё так же оттягивая время. Его взгляд упал на пепельницу, заменявшуюся каждые несколько минут до драматического момента расчёта с заведением. Теперь в ней уже было два окурка и две использованные салфетки. Менять её уже было незачем.

«Лжец», — подумал Император и тут же забыл об «ахам-начаре», давая ему, таким образом, шанс опровергнуть Императора. Но эта нечистая пепельница была той спасительной соломинкой, которую уже так давно искал Император.

«Неужели так и не заменят?!» — воскликнул про себя Император, адресуя это восклицание то ли заведению, то ли Богам. И он снова подозвал «ахам-начара».

— Повторите мне чай, — попросил Император.

Ещё одна чаша чая... Ещё двадцать минут. Они растворились в Понт-Евсинских волнах так же спокойно, как и все предыдущие. Всё. Император встал.

И в это же самое мгновение, словно только этого и дожидаясь, побережье озарилось огнями фейерверков. Боги склонили головы. Эти несколько минут, пока фейерверки радовали глаз Императора и восторгали обладателей барабанов на побережье, были тем подарком, который Император мог от них принять.

А когда последний выстрел озарил ночь тысячами цветных звёзд, Император краем глаза увидел, что «ахам-начар» всё же поменял пепельницу. Правда, уже не для него.

Ночь снова окутала побережье, а шум прибоя вновь обрёл свои права, отданные на несколько минут фейерверку и Императору. Более задерживаться в ресторане Императору было незачем. Чуда не произойдёт. И не могло произойти...

Император вернулся. Не зажигая свет, он прошёл в спальню. Не раздеваясь, он лёг и вслушался в шум набирающего слишком быстро силы ветра.

«Хотя бы дождь, что ли...» — подумал Император и закрыл глаза.

Уставшее тело расслабилось. Тёплая волна прокатилась по его благодарным мышцам, уходя куда-то глубоко в его подсознание, в его воспоминания. Император почил...

А дождь и шторм сбылись. В очередной раз он получил Их согласие. Но только уже поздним утром...